

УДК 165.0

DOI: 10.15372/PS20220411

А.Ю. Моисеева**СЕМАНТИКА С А-ПРОПОЗИЦИЯМИ:
ГРАНИЦЫ РАСШИРЕНИЯ**

В статьях, посвященных теме разграничения семантики и прагматики естественного языка, О.А. Козырева и Е.В. Борисов представляют полярные мнения. Существует также промежуточная позиция (ее отстаивает, в частности, Дж. Перри), согласно которой есть основания сохранить разграничение между семантикой и прагматикой, однако при этом количество и состав семантически значимых факторов контекста можно радикальным образом расширить, включив туда, например, такие факторы, как язык. Соответственно, расширяется и понятие семантического значения, которое предлагается определять как множество пропозиций и пропозициональных функций, выражающих условия истинности высказывания в зависимости от контекста. В настоящей статье представлены аргументы в пользу такой позиции.

Ключевые слова: семантическое значение; факторы контекста; R-пропозиции и A-пропозиции; Дж. Перри

A.Yu. Moiseeva**SEMANTICS WITH A-PROPOSITIONS: EXTENSION LIMITS**

In their articles on the distinction between semantics and pragmatics of natural language, O.A. Kozyreva and E.V. Borisov present polar opinions. There is also an intermediate position (it is defended, in particular, by J. Perry), according to which there are reasons to maintain the distinction between semantics and pragmatics, but the number and set of semantically significant context factors can be radically expanded by including factors such as language. Therefore, the concept of semantic meaning is also expanded; it is proposed to be defined as a set of propositions and propositional functions that express the conditions for the statement truth, depending on the context. The article presents arguments in favor of such a position.

Keywords: semantic meaning; context factors; R-propositions and A-propositions; J. Perry

В своих статьях [4; 5] О.А. Козырева пишет о разграничении между семантикой и прагматикой в связи с разграничением между

© Моисеева А.Ю., 2022

знанием языка, которое предполагает понимание языковых правил, и использованием языка, которое предполагает умение применять эти правила в коммуникации. Согласно той точке зрения, к которой она неявно присоединяется, «отделить знание правил от их использования невозможно, а, значит объяснить значение языковых выражений без учета ситуаций их использования не удастся» [4, с. 95]. Причина этой невозможности видится в том, что «значения языковых выражений и предложений с ними возникают только в коммуникации» [Там же]. Однако, на мой взгляд, данная точка зрения исходит из ошибочного предположения, что значение выражения – есть то же самое, что способ понимания этого выражения.

Как справедливо указывает О.А. Козырева [4], то, насколько широко понимается семантическое значение, зависит от определения задач семантики. Один из способов определения отождествляет семантическое значение предложения с пропозицией, составляющей условия его истинности. Этот способ предпочитает Е.В. Борисов [1–3], с которым полемизирует О.А. Козырева. Другой способ, упоминаемый О.А. Козыревой, состоит в том, чтобы понимать значение в рамках процесса коммуникации, т.е. фактически отождествлять его со всей информацией, которую может извлечь агент, когда он встречается с употреблением данного языкового знака в определенной коммуникативной ситуации¹. В пользу каждого из этих способов могут приводиться какие-то аргументы, но вместе с тем необязательно выбирать только из этих двух вариантов. Можно предпочесть и промежуточный вариант, если в его пользу найдутся достаточно весомые аргументы.

Тот вариант, которому я отдаю предпочтение, состоит в том, чтобы считать обычное условие-истинностное значение, т.е. расшевеловскую пропозицию, обозначенную высказыванием, только одним из видов семантического значения, а семантическое значение в целом отделять от прагматического значения. В своем выборе я опираюсь на подход к семантике, предложенной Дж. Перри, а конкретно на его работу 1990 г. «Индивиды в информационном и интенциональном содержании» [9]. Сходные взгляды Дж. Перри выска-

¹ Речь здесь идет не о каком-то конкретном агенте, а об абстрактном агенте, обладающем идеальными вычислительными способностями и знанием всех явно и неявно заданных факторов контекста (включая коммуникативную цель и прочие прагматические факторы), т.е. знанием «контекста в широком смысле», пользуясь выражением О.А. Козыревой.

зывал и в других своих статьях, а также в книге «Знание, возможность и сознание» [10]. Далее будут кратко воспроизведены некоторые положения его подхода.

Теория

Дж. Перри предлагает различать условия истинности высказывания и его «присвоенное содержание» (incremental content) – «то, что сказано» посредством произнесения данного высказывания в данном контексте. Для пояснения своей мысли он вводит сначала понятие R-пропозиции – референциальной, или расселовской, пропозиции, а также понятие отличной от нее А-пропозиции – атрибутивной пропозиции в его терминологии, или пропозициональной функции в более традиционной для условие-истинностной семантики терминологии. Ниже я последовательно раскрою каждое из двух понятий содержания с использованием пропозиций обоих типов.

Условия истинности. Расселовское направление условие-истинностной семантики отождествляет значение высказывания с R-пропозицией. Однако, согласно Дж. Перри, не всегда R-пропозиция является наиболее очевидным выражением того, при каких условиях высказывание истинно, а значит, не всегда именно она наилучшим образом отвечает идеологии условие-истинностной семантики. Часто гораздо более естественным способом выразить условия истинности является та или иная А-пропозиция [9, р. 284–285].

Так, когда некто произносит «Я - Джон», условием истинности его высказывания, согласно значениям слов, является то, что он (тот, кто произносит высказывание) и есть Джон. Это А-пропозиция, которая представляет собой функцию от контекста, а конкретнее, от одного контекстуального фактора – говорящего². Если же мы сформулируем условие истинности в виде R-пропозиции, что Джон является Джоном, то такое условие не скажет нам ничего интересного о значении данного высказывания.

² Обратим внимание, что здесь используется функция именно от контекста, а не от двух параметров (контекста и возможного мира), как у Д. Каплана. Дж. Перри вводит такие функции в одной из более ранних статей [8]. Содержательно они, как считает Перри, представляют собой что-то вроде «когнитивной роли» языковых выражений.

Другой пример – дескриптивные выражения в косвенных контекстах. Значение таких выражений сегодня принято формализовать как интенционал, т.е. функцию от возможного мира к экстенционалу. Интенционал представляет собой, в сущности, расселианский аналог фрегеанского смысла и как таковой широко используется семантиками.

Таким образом, условие-истинностная семантика вполне способна инкорпорировать А-пропозиции и фактически очень много с ними работает.

Присвоенное содержание. Выше было сказано об условиях истинности, а теперь перейдем к понятию присвоенного содержания. Это понятие отражает не условия истинности высказывания, а то, что можно узнать из данного высказывания, использованного в конкретной речи. Вообще говоря, то, какое содержание будет присвоено высказыванию, зависит не только от контекста его произнесения, но и от контекста интерпретации, от коммуникативной ситуации в целом.

Иногда в качестве присвоенного содержания вполне правомерно рассматривать R-пропозицию. Например, в контексте обыденного разговора, когда некто произносит «Джон сидит», глядя на сидящего Джона, он сообщает своим высказыванием именно то, что Джон сидит, ни больше ни меньше. Однако в менее ординарных контекстах (как показывают, в частности, примеры, приведенные О.А. Козыревой [5]) R-пропозиция вычисляется не всегда очевидным образом. Кроме того, иногда присвоенным содержанием высказывания становится та или иная А-пропозиция.

В целом, Дж. Перри склоняется к мысли, что «то, что сказано» определяется «комплексными, прагматически управляемыми принципами» [8, р. 293]. Большую роль в этом процессе играют, по видимому, когнитивные факторы – способы обработки информации, доступные данному агенту и обычные для него.

Тезис

Основываясь на приведенном различии, предложенном Дж. Перри, я полагаю, что собственно семантическое значение следует отождествлять с условиями истинности высказывания, но выраженными не в виде единственной R-пропозиции, а в виде множе-

ства, в которое кроме R-пропозиции входят всевозможные А-пропозиции, выражающие зависимость истинности высказывания от условий его произнесения. Кроме интенционала и каплановского «характера» (character), можно как минимум включить в это множество предложенную Дж. Перри функцию от контекста к экстенционалу, которая не является интенциональной. Для сложных контекстно зависимых выражений можно определять различные функции от отдельных параметров контекста, когда другие параметры принимаются за фиксированные, а также от комбинаций из нескольких параметров. Все эти функции могут рассматриваться, наравне с характером и интенционалом, как компоненты семантического значения, поскольку они представляют собой различные способы выражения условий истинности. Таким образом, предмет и поле семантики могут пониматься очень широко.

Однако, как мне представляется, в этом расширении принципиальным является сохранение различия между семантикой и прагматикой. Если использовать подход Дж. Перри, смысл этого различия можно сформулировать достаточно просто. Семантика занимается зависимостями между истинностью высказываний и условиями, в которых они произносятся. Прагматика же занимается зависимостями между употреблением высказываний и информацией, которая с их помощью передается.

Прагматическое значение, с моей точки зрения, следует отождествлять с присвоенным содержанием высказывания – «тем, что сказано», по выражению Дж. Перри. Высказывание информативно всегда для конкретного агента в конкретной ситуации. Нельзя сказать, что тот или иной способ извлечения из него информации является более или менее правильным и можно сказать только то, что он является более или менее успешным.

Так понятая, прагматика, несомненно, подчинена теории коммуникации, но непонятно, каковы основания думать, что этой теории также должна быть подчинена семантика. Если сторонники подхода, который О.А. Козырева называет «семантикой с агентом», считают неинтересной и «пустой» семантику, не занимающуюся употреблением высказываний в коммуникации [4, с. 95], это вопрос личного выбора, не более того. Есть те, кому такая семантика вовсе не кажется «пустой». Знать зависимость между истинностью высказываний и условиями, в которых они произносятся, само по себе достаточно информативно.

Пример

Поясню сказанное на примере. Предположим, я направляюсь вместе с англоязычным коллегой из Калининграда в Новосибирск, делая промежуточную остановку в Москве. Когда мы прибываем в Москву, я говорю ему: «Here we are in Moskva». Мой коллега знает, что самолет прилетел в город, который он называет «Moscow» (это написано на его посадочном талоне, и именно в этом направлении мы с ним с самого начала собирались лететь), и знает, что для меня русский является родным языком (предположим для определенности, что последнее он знает из моего же сообщения об этом полтора часа назад). Значит, если принять за данность, что мой коллега обладает знанием логики и правил английского языка, нормальным для взрослого носителя, он в состоянии произвести вывод вроде такого³:

(А) Мы прибыли в город, который называется по-английски *Moscow* (We arrived at the city called in English «Moscow»).

(В) Мой русскоговорящий собеседник произнес: *Here we are in Moskva* (The Russian-speaking interlocutor said: «Here we are in Moskva»);

следовательно,

(С) Город, который называется по-английски *Moscow*, по-русски называется *Москва* (The city, which is called in English «Moscow», in Russian is called «Moskva»).

Таким образом, (С) может выступать как присвоенное содержание моего высказывания⁴. В этом случае высказывание будет рассматриваться как сообщающее расселовскую пропозицию, но эту пропозицию мы не смогли бы получить в результате простого «раскавычивания» сказанного. Это выводная пропозиция, для получения которой

³ Я приведу этот вывод на русском языке, хотя, ясное дело, сам мой коллега, если бы он в явном виде имел в мыслях вербализацию этого умозаключения, имел бы ее только в англоязычном эквиваленте.

⁴ Разумеется, это не означает, что информация, которую я передаю коллеге посредством своего высказывания, должна ограничиваться (С). Однако, думается, всякое другое дополнительное содержание, которое я могу подразумевать, а он может воспринять из моего высказывания, является очень ненадежным в плане передачи, оно заведомо передается с какими-то потерями и искажениями.

нужно использовать не только информацию о контексте, но и определенные «фоновые» знания (а именно направление перелета).

Теперь перейдем к ответу на вопрос, каким будет семантическое значение моего высказывания. Очевидно, что каким бы оно ни было, в нем не должно быть компонента «фонового» знания. Кроме того, в соответствии со сказанным выше это должна быть или расселевская пропозиция, или пропозициональная функция от каких-то параметров. Я предлагаю в качестве одного из возможных приближений следующую формулировку:

(С') Город, в который мы прибыли, по-русски называется *Москва* (The city where we arrived in Russian is called «Moskva»).

Зависимость между (А), (В) и (С') можно выразить, не используя явно никаких знаний, кроме знания пространственно-временной локации, в которой я произнесла данное высказывание, *плюс* знания того факта, что я могу говорить по-русски. Я полагаю, что язык – это один из факторов, которые есть основания включить в число контекстуальных параметров, расширив соответствующим образом понятие семантического контекста, и что условие-истинностный подход от этого не потерпит никакого ущерба. Поэтому я полагаю, что (С') или что-то вроде него может рассматриваться как семантическое значение моего высказывания в заданном (семантическом) контексте.

Возражения и защита позиции

На мою интерпретацию приведенного примера можно возразить, что вывод (С') в действительности не является свободным от прагматических импликатур. Ведь чтобы использовать посылку (В) для получения (С'), необходимо дополнить ее несколькими скрытыми посылками, как то:

(D) Если русскоговорящий собеседник во фразе на английском языке использует слово, которого нет в английском, то это предположительно русское слово;

(E) Используя в коммуникации слово на другом языке, человек предположительно делает это с целью сообщить собеседнику иноязычное название того объекта или пространственно-временной локации, которые являются предметом данной коммуникации;

(F) В ситуации авиаперелета внутри страны человек предположительно обозначает локацию, в которую он прибыл, по имени города (не страны, не региона, не аэропорта и проч.);
и т.д.⁵

Нетрудно заметить, что посылки из ряда (D)–(F) требуют знания отнюдь не лингвистических правил, но социальных практик. Таким образом, хотя в (C') явно не присутствуют компоненты «фонового» знания, оно используется в процессе вывода.

Однако это возражение не является в действительности причиной, чтобы отказываться от (C') как семантического значения моего высказывания. Дело в том, что все дополнительные посылки используются именно для того, чтобы задать адекватный контекст для каждого выражения, в частности чтобы понять, что слово «Moskva» русское. Таким образом, соотношение семантики и прагматики здесь ровно то самое, о котором говорит Е.В. Борисов: прагматика используется, чтобы задать контекст для применения к нему семантических правил.

Можно также возразить, что (C') не вписывается в понятие семантического значения выражения, поскольку включает семантическую информацию, а конкретно информацию о значении определенного слова в русском языке. Таким образом, язык как будто смешивается с метаязыком.

В целом, это возражение имеет под собой основания. Семантическая информация действительно относится к метаязыку, тогда как высказывание в приведенном примере на первый взгляд не является высказыванием о языке. То есть (C') привносит в содержание высказывания что-то, чего там как будто изначально не было. Но хотя ни одно из слов, произнесенных мной в примере, не означает ничего касательно языка, само употребление русскоязычного имени города в контексте выражения на английском языке можно рассматривать как скрытый индексикал. Поэтому вся фраза может быть интерпретирована как высказывание о языке, точнее, о том вкладе, который слово «Moskva» привносит в условия истинности предложения в целом.

То, что происходит в процессе вывода (C'), можно описать следующим образом: 1) композиционально вычисляются условия

⁵ Точное количество дополнительных посылок не имеет значения.

истинности предложения «Here we are in X » в зависимости от контекста и выражения, стоящего на месте X ; 2) в эти условия «подгружаются» данные о конкретном контексте употребления выражения «Here we are in» и отдельно параметр языка для X ; 3) полученные условия истинности принимаются за выполненные предложением «Here we are in Moskva», произнесенным в данном контексте; 4) отсюда делается заключение о значении слова «Moskva».

Обратим внимание, что (C') не устанавливает референт неизвестного моему коллеге имени напрямую, а лишь выражает зависимость между тем, где мы с коллегой сейчас находимся, и тем, что выступает носителем имени, – зависимость, которая в данном конкретном случае является тождеством. Такого же типа зависимость выражается в контекстно зависимых условиях истинности предложения «Я – Джон», просто параметр языка там остается постоянным, поэтому зависимость от него мы обычно не принимаем в расчет. В моем же примере за счет «сдвига» контекста именно в этом параметре зависимость от языка актуализируется и выступает на первый план.

Если посмотреть на дело более широко, в обыденной речи мы постоянно кодируем различную информацию, связывая в условиях истинности два контекста и более. Например, около полуночи, общаясь с коллегой, живущим в другом часовом поясе, я могу сказать ему что-нибудь вроде «У меня уже наступило завтра». Вопрос в том, считать ли такую информацию частью семантического или же прагматического значения. Хотя традиционная семантика не занимается подобными вещами, я не вижу, почему они не могут быть включены в область действия семантических правил.

На мой взгляд, существенным ограничением для расширения семантики может быть только одно: неспособность сформулировать правило, по которому можно вывести какую-то пропозицию или пропозициональную функцию из самого факта произнесения высказывания в определенном контексте, без использования «фоновых» знаний. Правило для вывода (C') из контекста высказывания «Here we are in Moskva» формулируется очень просто: значение неизвестного имени нужно отождествить с местом произнесения. По этому признаку я рассматриваю (C') в качестве одного из вариантов семантического значения данного высказывания в данном контексте.

Впрочем, поскольку семантическое значение – это не единственная пропозиция, а множество пропозициональных функций⁶, с тем же успехом на месте (С') может быть другая пропозициональная функция, например функция, выраженная в

(С'') Город, в который мы прибыли, на языке моего собеседника называется *Москва* (The city where we arrived in the language of the interlocutor is called «Moskva»).

(С'') менее «насыщена» контекстом, чем (С'), и может быть предпочтительной, например, в том случае, когда неизвестно, к какому языку принадлежит употребленное имя. В целом, семантические правила задают спектр вариантов значения, а прагматические факторы определяют, какой из вариантов выбрать для интерпретации высказывания в процессе коммуникации.

* * *

Таким образом, я полагаю обоснованной точку зрения, согласно которой семантику можно расширять, задавая все более тонкие контекстные зависимости, однако это расширение не безгранично. На долю прагматики остается та часть объяснения, которая не схватывается правилами, поскольку зависит от многих имплицитных предположений, которые могут быть верны лишь относительно конкретного речевого опыта

Литература

1. *Борисов Е.В.* Индексикалы, семантика и прагматика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 292–298.
2. *Борисов Е.В.* Семантический и прагматический аспекты индексикальных выражений // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 23–30.
3. *Борисов Е.В.* Теория коммуникации в духе Каплана прагматики // *Философия науки*. 2022. № 4. С. 95.
4. *Козырева О.А.* О разграничении семантики и прагматики // *Философия науки*. 2022. № 4. С. 95.

⁶ R-пропозицию можно рассматривать как пропозициональную функцию от нуля параметров.

5. *Kozyreva O.A.* Проблема референции индексиков: возможные подходы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 269–281.
6. *Kaplan D.* Demonstratives // Themes from Kaplan / Ed. by J. Almog, J. Perry, and H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
7. *Kaplan D.* On the logic of demonstratives // Journal of Philosophical Logic. 1979. Vol. 8. P. 81–98.
8. *Perry J.* Belief and acceptance // The Problem of the Essential Indexical and Other Essays. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 53–64.
9. *Perry J.* Individuals in informational and intentional content // The Problem of the Essential Indexical and Other Essays. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 279–300.
10. *Perry J.* Knowledge, Possibility and Consciousness. Cambridge, MA: MIT Press, 2001.

References

1. *Borisov, E.V.* (2022). Indeksikaly, semantika i pragmatika [Indexicals, semantics, and pragmatics]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 67, 292–298.
2. *Borisov, E.V.* (2022). Semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty indeksikalnykh vyrazheniy [Semantic and pragmatic aspects of indexicals]. Respublica Literaria, Vol. 3, No. 2, 23–30.
3. *Borisov, E.V.* (2022). Teoriya kommunikatsii v dukhe Kaplana [Kaplanian theory of communication]. Filosofiya nauki [Philosophy of Science], 4 (95).
4. *Kozyreva, O.A.* (2022). O razgranichenii semantiki i pragmatiki [On the distinction between semantics and pragmatics]. Filosofiya nauki [Philosophy of Science], 4 (95).
5. *Kozyreva, O.A.* (2022). Problema referentsii indeksikalov: vozmozhnye podkhody [Some possible approaches to the problem of indexical reference] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 67, 269–281.
6. *Kaplan, D.* Demonstratives. (1989). In: Almog, J., J. Perry & H. Wettstein (Eds.). Themes from Kaplan. Oxford, Oxford University Press, 481–563.
7. *Kaplan, D.* (1979). On the logic of demonstratives. Journal of Philosophical Logic, 8, 81–98.
8. *Perry, J.* (1993). Belief and acceptance. In: Perry, J. The Problem of the Essential Indexical and Other Essays. New York & Oxford, Oxford University Press, 53–64.
9. *Perry, J.* (1993). Individuals in informational and intentional content. In: Perry, J. The Problem of the Essential Indexical and Other Essays. New York & Oxford, Oxford University Press, 279–300.
10. *Perry, J.* (2001). Knowledge, Possibility and Consciousness. Cambridge, MA, MIT Press.

Информация об авторе

Моисеева Анна Юрьевна. Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
abyssian03@gmail.com

Information about the author

Moiseeva, Anna Yurievna. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).
abyssian03@gmail.com

Дата поступления 13.12.2022